

Окончание. Начало в № 12 за 2018
год и в № 1 за 2019 год

Февраль 1944 года

Советская армия всё увереннее продвигалась на запад. Фашисты отчаянно сопротивлялись, на их стороне также активно действовали отряды украинских националистов.

На одном из заседаний военного совета 1-го Украинского фронта Николай Фёдорович Ватутин, заслушивая доклады своих подчинённых, услышал вдруг такое сообщение: «Есть сведения, что крупное танковое соединение противника, до этого находившееся в районе нашего наблюдения, бесследно исчезло».

– Исчезло, говоришь? – задумчивым голосом произнёс Ватутин. – Бесследно?

Генерал, сообщивший эту новость, молча кивнул головой.

– Так вот, – поднялся из-за стола Ватутин. – Бесследно, согласно законам физики, ничто никуда не исчезает. А уже целое танковое соединение тем более.

Он не спеша прошёлся, скрипя половицами, по хате, в которой размещался штаб фронта, прибавил фитиль в лампе, чтобы было поярче, посмотрел в уставшие сосредоточенные лица членов военного совета.

– Хороший язык нужен, – наконец сказал он. – И не какой-нибудь, а танкист. И должен он быть здесь не позже завтрашнего утра. А теперь все свободны.

Однако Ватутин не мог полагаться только на сведения, полученные от доставленного утром языка. Он, не зря прозванный гроссмейстером, чтобы ввести врага в ответное заблуждение, предпринял ряд мер. Была развёрнута обширная, сбивавшая врага с толку радиоигра, возникли ещё кое-какие замыслы...

Среди ночи к командующему фронтом был вызван на личную беседу капитан Орехов, связанной офицер штаба. Без лишних слов Ватутин подвёл его к столу, на котором лежал пакет с несколькими сургучными печатями.

– Здесь, – сказал Ватутин, – находится штабная оперативная карта. Кровь из носу, но она должна попасть в руки немцев.

– Липовая? – спросил капитан.

– Осиновая, – хитро прищурил глаза, ответил Ватутин.

– Понял, товарищ генерал. Какие мои дальнейшие действия?

– Тебя с этим пакетом через час доставят на линию фронта, – сказал Ватутин. – Затем тебе укажут на наш разбитый мотоцикл АМ-600, подберёшься к нему, увидишь там двух убитых – офицера и солдата. Оставишь рядом с ними пакет – и обратно. Утром мы ждём тебя с докладом.

– Понял, товарищ генерал. Разрешите идти?

Вместо ответа Ватутин тронул офицера за рукав, по-отечески, по-домашнему спросил:

– Тебя, кажется, Алексеем звать?

– Так точно, товарищ генерал.

– Задание, Лёша, я тебе поручаю чрезвычайно ответственное, – заговорил негромко Ватутин. – Если всё получится, как задумано, нам удастся избежать немалых людских потерь.

– Выполню, товарищ генерал.

Ватутин кивнул, как бы давая понять, что не сомневается в этом: удаль капитана Орехова ему была известна.

– Разрешите идти? – капитан молодцевато щёлкнул каблуками.

– Нет, ещё не всё, – остановил его Ватутин, доставая из внутреннего кармана кителя небольшой холщовый мешочек, похожий на кисет. – Возьмёшь вот это с собой...

Капитан удивлённо посмотрел на генерала. Ватутин тем временем бережно извлёк из мешочка железное колечко, положил его на ладонь.

– Это, Алексей, мой оберег. Уже лет тридцать, с самого детства, не расстаюсь с ним. Великой защитной силой обладает это колечко. Ни пуля, ни штык, никакая иная беда не страшны тому, кто носит его с собой.

– Взаправду, товарищ генерал? – разглядывая колечко, тихо произнёс капитан. – Такая невзрачная железка...

– Взаправду, – убеждённо сказал Ватутин. – Проверено в деле, и не раз. Но обо всём, что с ним связано, я тебе расскажу потом, когда вернёшься с задания. Сейчас же, сам понимаешь, не до разговоров.

– А как же вы, товарищ генерал, останетесь без своей защиты? – спросил капитан. – Вдруг случится что с вами...

– На войне всякое бывает, – задумчиво ответил Ватутин. – Да только не обо мне сейчас речь. Сейчас важнее другое – фрицев надо одурачить во что бы то ни стало. Потому и отдаю тебе ради этого дела свой оберег, а как вернёшься...

Ватутин улыбнулся, пожал капитану руку.

– В общем, отдаю тебе его во временное пользование, до утра...

Но утром, как планировали в штабе, капитан Орехов с задания не вернулся. Разведчики, которые доставили его в назначенное место у линии фронта, доложили, что после того, как они расстались, начался сильный обстрел и капитан недалеко от мотоцикла был схвачен немцами. Ему удалось бежать, но до своих он добрался не сразу.

Засада

Близился конец февраля 1944 года. После разгрома врага под Корсунем (эту битву её участники по праву называют украинским Сталинградом) наши войска ещё увереннее стали продвигаться к западным границам Советского Союза. Однако не всем удалось дойти до заветного рубежа...

Из письменного донесения члена Военного совета Первого Украинского фронта генерал-майора Крайнюкова К. В. Верховному Главнокомандующему СССР т. Сталину (№ 1568 от 1.03.1944 года):

Тов. Сталину

Докладываю о происшествии с генералом армии Ватутиным.

29 февраля 1944 года, возвращаясь из штаба Тринадцатой армии вместе с тов. Ватутиным в составе четырёх машин и личной охраны в количестве 10 человек, в 18.50 при въезде в северную окраину д. Милятин, что в 18 км южнее Тоца, подверглись нападению бандитов...

При перестрелке тов. Ватутин был ранен.

Все меры по вывозу раненого Ватутина из района нападения приняты.

Характер ранения: сквозное пулевое правого бедра с переломом кости. По предварительному заключению хирурга Тринадцатой армии, ранение относится к категории тяжёлых...

О том, что между Ровно и Славутой, куда направлялся командующий фронтом Н. Ф. Ватутин, действуют вооружённые банды украинских националистов, в штабе 1-го Украинского

фронта, конечно же, знали, и в связи с этим надлежащие меры по охране Ровенского шоссе были приняты. Однако, чтобы поскорее добраться до Славуты, в штаб 60-й армии, Ватутин решил свернуть с шоссе на просёлочную дорогу. Миновав несколько безлюдных селений, при подъезде к Милятину автомобили наткнулись на засаду бандеровцев...

Силы были неравными, решили отходить. Пока охрана отстреливалась, раненому командующему наскоро была сделана перевязка и, сначала на машине, затем на случайно встретившихся санях, он был вывезен на Ровенское шоссе. Здесь раненого переложили в подошедшую санитарную машину, которая доставила его в госпиталь г. Ровно...

Дело наше правое...

Впервые часы после ранения, по пути следования в Ровенский госпиталь, рядом с Ватутиным неотлучно находился генерал-лейтенант Крайнюков. Он видел, с каким трудом раненый сдерживает стоны, пытался приободрить его разговорами о скорой победе над фашистами.

– А почерк-то у них одинаковый... – прерывисто дыша, сказал вдруг Ватутин.

– У кого? – не понял Крайнюков. Ему показалось, что командующий начал впадать в забытьё, бредит.

– Я ведь в гражданскую... – помедлив с ответом, начал Ватутин, – с махновцами имел дело... Воевал и с бандами Беленького... Тактика у них такая же подлая, как и у бандеровцев.

Устроить засаду, напасть из-за угла... А нападают они подобно гадюке – укусят, и тотчас в расщелину...

И приснился ему сон.

Заходит он к деду Григорию в курень – сам вроде мальчишка, а на плечах генеральские погоны. Дед почтительно поклонился ему, говорит: «Я так и знал, Микола, что станешь ты генералом. Бороду вот только надо тебе отрастить, и будешь вылитый генерал Скобелев».

Тут заходит в курень учитель Николай Иванович. «Коля, – говорит он, – а чего это у тебя одна нога обутая, а другая босая?» – «Так у меня, Николай Иванович, вот эта нога мёрзнет, а вот эта огнём горит», – отвечает Коля. – «Э-э... – покачал головой учитель. – У тебя, я вижу, сильное ранение...»

Подошли они с дедом к Коле поближе, стали осматривать рану. «Товарищ генерал, а оберег-то ваш где был, когда вас ранило? Вы что, потеряли его?» – «Никак нет, – отвечает Коля. – Я его ради важного дела отдал капитану Орехову». – «Понятно, – говорят они. – Ради важного дела не то что оберег, жизнь свою не жалко отдать».

Тут дед Григорий погладил Колю по голове, после чего Ватутин очнулся. Всё ещё находясь под впечатлением сна, негромко произнёс:

– А дело наше, дедушка, правое. Разве мы на кого руку поднимем, если нас не тронуть...

Капитан Орехов

Когда капитан Орехов наконец-то добрался до своих, первое, что он услышал, – это была новость о ранении командующего.

«Вот тебе и оберег... – мелькнула мысль в голове капитана. – Мне-то он жизнь сохранил, а вот Николаю Фёдоровичу пуля досталась...»

Всякими правдами и неправдами выхлопотав себе трёхдневный отпуск, он поспешил в Киев. Но как ни упрашивал он врачей и медсестёр, в палату к Ватутину попасть ему не удалось. Тогда он завёл знакомство с военфельдшером сержантом Будаковым, но и тот, хотя и был вполне свойским добрым дядькой, ничем ему помочь не смог.

– Записку разве что передать, так это попробовать можно, – сказал он, – и то, если не будет в ней ничего такого, что может расстроить больного пациента.

– А вот это вместе с запиской сможешь передать? – вынув из холщового мешочка железное колечко, спросил капитан.

– Что это? – удивился фельдшер.

– Ватутин знает, что, – коротко ответил капитан. – Передашь?

– Ладно, попробую. Пиши записку.

Записка капитана Орехова

*Здравствуйте,
товарищ генерал!
Николай Фёдорович!*

Задание ваше выполнено.

Я снова в строю. Колечко сохранил, так же как и оно меня. Возвращаю его с благодарностью. Скорее выздоравливайте, будем вместе добивать Гитлера!

Капитан Алексей Орехов

Попала ли эта записка, а также колечко-оберег в руки Ватутина, уехавший на фронт капитан так и не узнал. Он вскоре узнал другое: в ночь на 15 апреля 1944 года генерал армии Николай Фёдорович Ватутин скончался в киевском госпитале...

Встреча у памятника

25 января 1948 года в Киеве, на месте захоронения Николая Фёдоровича Ватутина, состоялось торжественное открытие памятника талантливому полководцу. Множество киевлян и гостей города собрались в этот день в Мариинском парке на берегу Днепра.

Приехал в Киев и Алексей Орехов. Во время боёв за Берлин (дошёл-таки до фашистского логова, сбылись слова Ватутина!) он был ранен, но из боя не вышел. Штурмовал Рейхстаг, с первой группой ворвался в имперскую канцелярию...

Орехов оглянулся по сторонам и вдруг невдалеке увидел знакомое лицо. Татьяна Романовна! Орехов подошёл к ней, представился. Татьяна Романовна также узнала его.

– Алексей! Вот так встреча! – обрадовалась она.

– У меня есть вопрос к вам, Татьяна Романовна, – сразу же начал Орехов. – Уже четыре года я ищу на него ответ, а ответа нету... Не известно ли вам, цело ли то колечко и попало ли оно тогда в руки Николая Фёдоровича?

Татьяна Романовна долго молчала, затем открыла свою дамскую сумочку, вынула из неё знакомый Орехову холщовый мешочек.

– Вот оно, это колечко, – заметно волнуясь, наконец сказала она. – Оберег моего мужа. После того, как он был ранен, я всё время находилась рядом с ним в госпитале, только изредка отлучалась. В первые же дни я спросила его: «Как же такое могло случиться? Ты же всю войну был неуязвим... Не потерял ли ты свой оберег?» – «Нет, – отвечал он, – не потерял, но при мне его в тот день не было». – «Но почему?» – спросила я. – «Так надо было, – отвечал он, – ради очень важного дела». Я знала его характер, знала, что ради победы над врагом он готов был на самопожертвование, поэтому не стала больше лезть к нему с этим вопросом. Я только спросила: «А где же он сейчас есть, твой оберег? Покажи его мне». – «Сейчас не могу, – отвечал он, – но скоро ты его увидишь».

– Татьяна Романовна, а ведь кольчуга-то богатыря Белогора, я полагаю, была немаленькая. – Орехов развёл руки в стороны. – И когда она рассыпалась на отдельные колечки, то, наверное, не один десяток этих колечек достался народу. Как вы считаете?

– Видно, так оно и было, – отвечала Татьяна Романовна. – Даже больше скажу: если эти обереги передавались по наследству, то вполне возможно, что кто-то хранит их по сей день и, скорей всего, разошлись они по всей России.

– Вот поэтому и не может победить нас никто! – с уверенностью в голосе сказал Орехов. – Уж сколько веков с той поры прошло, каких только врагов на нашей земле не побывало, а мы неуязвимы.

– Алексей, – обратилась вдруг к нему Татьяна Романовна, – а хотите, я подарю вам этот оберег?

Предложение было настолько неожиданным, что Орехов, не зная, что на это ответить, растерянно поглядел на жену генерала, несколько раз кашлянул.

– Я ведь не понаслышке знаю, что такое армия, – сказала Татьяна Романовна. – Больше двадцати лет прожила рядом с кадровым военным. Тревоги, опасности, бессонные ночи – чего только не было. А теперь я, – грустно улыбнулась она, – человек гражданский. Так что, товарищ капитан, примите от меня этот подарок. Я думаю, он вам пригодится.

Она протянула смутившемуся от волнения офицеру железное колечко. И тут же, словно сговорившись, они оба одновременно повернули головы в сторону памятника. Жена генерала, казалось, хотела увидеть улыбку одобрения на лице мужа, а капитан Орехов представил себе в эту минуту, как командующий фронтом обращается к нему со словами: «Помни, Лёша: колечко это – частица богатырской кольчуги, и обладает оно великой защитной силой. Ради общего нашего правого дела я вручаю тебе его...»

– Спасибо, Николай Фёдорович, – поклонившись гранитному генералу, совсем не повоенному, вполголоса, сказал Алексей. Затем он обернулся к Татьяне Романовне, так же тихо повторил: – спасибо.

– Спасибо и вам, заступникам нашей земли, – сказала Татьяна Романовна. – И за то, что вы сделали, и за то, что в будущем вам сделать доведётся...